

Памяти Тургенева

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

[OCR Бычков М. Н.](#)

<...> А теперь мне хочется помянуть человека, который до конца дней своих сам называл себя западником.

Читатель понимает, что я говорю о Тургеневе, умершем ровно десять лет тому назад 22 августа. Талант перворазрядный, хотя и не столь могучий и оригинальный, как талант гр. Л. Толстого и Достоевского, но зато гораздо более уравновешенный, Тургенев никогда не мечтал о выработке лично ему принадлежащего мирозерцания, об основании своей собственной секты или школы. Он, примкнув еще в молодости к группе западников, которая в то время представляла собою нечто живое и цельное, остался западником до самой смерти. Но западником в первоначальном, старом смысле, в смысле общего уважения к европейской культуре, независимо от происходящих внутри ее жестоких и часто кровавых распрей религиозных, международных, сословных, партийных. На той возвышенной, но и вполне неопределенной точке зрения, с которой исчезают эти распри и виден лишь общий абрис европейской цивилизации, Тургенев мог оставаться только благодаря своему постоянному пребыванию за границей. На первый взгляд это может показаться странным или даже прямо неверным, потому что где же могут яснее чувствоваться внутренние противоречия западной жизни, острая борьба ее элементов, как не среди нее самой? Именно ведь поэтому и невозможен никакой западник на самом Западе. Я решаюсь, однако, утверждать, что, кроме, конечно, личных и вообще интимных обстоятельств, тянувших Тургенева во Францию, его влекло туда почти бессознательно еще и потому, что там именно он мог сохранить свое широкое, но неопределенное западничество, с которым он сжился смолоду и расстаться с которым ему было труднее, чем кому-нибудь.

Если читатель припомнит весь длинный ряд созданных Тургеневым образов, он увидит, что помимо их индивидуальных особенностей, всегда мастерски разработанных и резко выделяющих данное лицо, они распадаются на две большие психологические группы. В одной стоят натуры активные, не боящиеся ответственности, решительные, жаждущие борьбы и твердо идущие к раз поставленной цели; в другой -- натуры пассивные, мягкие, колеблющиеся, неохотно или с сердечною болью берущие на себя ответственность, увлекаемые какою-нибудь волною помимо или против их воли. Последние суть любимцы автора, между тем как первых он иногда уважает (далеко не всегда), иногда даже любит как художник твердою законченностью их физиономий, но никогда не окружает тем любовным поэтическим ореолом, которым наделяет мягких, практически слабых, нерешительных. Как умный человек и первоклассный художник, он не скрывал достоинств своих пасынков и слабостей своих родных детищ, но нетрудно все-таки разобрать, кто из его героев -- пасынок и кто родной, близкий по крови. Я не могу входить здесь в подробности и замечу только, что все известное нам о личности самого Тургенева вполне подтверждает сказанное. Это отнюдь не был человек твердых решений, борьбы, действия, но он не был и созерцательной натурой. Он любил жизнь, любил вращаться среди ее разнообразных красок и звуков, искал общения с нею для своего большого ума и высокого художественного дарования, но по возможности без активного, ответственного вмешательства в нее. Это он и получал за границей, где сложная общественно-политическая жизнь оставалась ему все-таки настолько чужою, что никакого активного вмешательства с его стороны не требовала и даже не допускала. Он мог дышать там уже готовою общою атмосферою свободы и просвещения, которая составляла идеал западничества, вместе с тем совершенно устраниаясь от борьбы частных элементов. Относительно житейской практики его мнений никто не спрашивал, его решений никто не ждал. Иное положение его было в России. Общая атмосфера была здесь совсем другая, а вместе с тем процесс выветривания или дифференцирования западничества уже далеко продвинулся вперед: например, ультраконсервативная "Весть"¹ могла с таким же правом считаться отрогом западничества, как и нигилистическое "Русское слово"². Человеку с именем и значением Тургенева непременно пришлось бы занять то или другое воинствующее положение в этих сложных обстоятельствах, что мы и видели на пушкинском празднике и непосредственно вслед за этим,